Революция: надежды крестьян и действительность

В Сергиевом Посаде революционные события 1917 года прошли мало заметно для обывателей. Силами солдат из Александрова и красногвардейцев из Мытищ 14–15 ноября были разоружены офицеры размещенной в городе школы прапорщиков. И произошло это без особых инцидентов¹.

Но вскоре стали происходить события, затронувшие население как Посада, так и окрестных сел и деревень. С осени 1918 года по всей стране началась кампания по вскрытию мощей русских святых. Вскоре появились слухи, что такая участь ждет мощи преподобного Сергия. Несмотря на многочисленные ходатайства верующих и протесты Патриарха Тихона, оно было произведено 11 апреля 1919 года. Власти рассчитывали, что благодаря распространенному мнению о нетленности останков как довольно свидетельстве их святости, обнаружение скелета будет содействовать успеху антирелигиозной пропаганды. Вот как описывала вскрытие мощей княгиня Н. В. Урусова: «С утра на площади перед оградой Лавры, где покоились мощи, стал в массе собираться народ... Ворота были заперты, из всех бойниц в стене выглядывали пулеметы. День был холодный, но мысли уйти не было ни у меня, ни у детей, даже у маленького пятилетнего Андрюши, совсем относившегося происходящему. Трогательно сознательно К Поочередно весь день духовенство служило молебны, а в промежутках общим хором пели "Да воскреснет Бог!"

Молитвы, просьбы, надежды с простиранием рук, рыданья и истерические вопли не могших сдержать своего отчаяния от мысли расстаться такого чтимого и любимого Чудотворца, и сознание того, что за стеной темные силы дерзко касаются святыни, — все это производило неизгладимое, потрясающее впечатление»². На следующий день Урусова вошла в собор. «Вспоминать страшно, ведь это были еще первые проявления

бесовских кощунств и хулений в Божьих храмах. Смех, приплясыванье, песни наполнявших храм комсомольцев и молодежи из Союза безбожников и тут же заглушенные рыдания верующих, прикладывавшихся к раке. Все было разорено, но как было прежде, так, несмотря на все творимые безобразия, у мощей стоял старый монах и читал вслух. В открытом почернелом гробу лежал череп с сохранившимися рыжеватыми волосами и целыми зубами обеих челюстей. Кости разбросаны, как попало, в гробу. Для тех, кто ожидал увидеть нетленное тело, это было разочарованием, но для того, кто понимает и знает, что такое мощи, это не играло роли, и каждая отдельная косточка была живой Святыней...

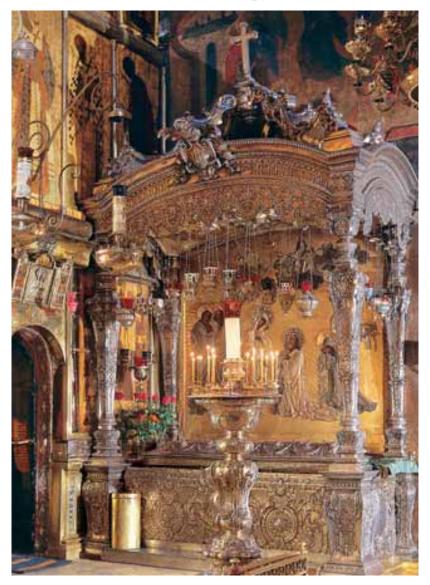
На другой день граф Олсуфьев и другие выхлопотали у властей разрешение пригласить врача-анатома, который сложил в природном порядке скелет, и покрыли стеклянной покрышкой, так как некоторые брали кусочки к себе домой как великую святыню»³.

Описал день вскрытия мощей Преподобного и С.А. Волков, в ту пору студент Московской Духовной академии. «Ключи от всех церквей и колоколен в городе были изъяты властями, поскольку те боялись набатного всполоха, а вокруг церквей были расставлены караулы из красноармейцев и чекистов с подсумками боевых патронов, чтобы, если произойдет волнение, стрелять в народ. Действительно, едва лишь молнией по городу пронеслась весть, что ворота в Лавре запирают, – а это могло означать только вскрытие мощей Преподобного, которого уже с неделю ждали, – множество людей со всех концов города кинулось на площадь. К шести часам вечера вся площадь была запружена народом, и многие, особенно женщины, стремились прорваться в Лавру. Кто-то предлагал вооружиться кольями и бревнами, чтобы выломать Успенские ворота, которые были не чугунными, как Святые, а деревянными, но их охраняли красноармейцы и курсанты.

Ворота все же пришлось приоткрыть, когда прибыли грузовики с электрооборудованием и киноаппаратами для съемки, этим моментом воспользовались рвавшиеся в Лавру. Они бросились на цепи

красноармейцев. Поднявшись на дыбы, лошади ржали, женщины кричали, но не отступали, кто-то из военных стрелял в воздух, однако смять заслон не удалось, и ворота опять захлопнулись. /.../

На следующий день я проснулся от громового звона всех лаврских колоколов. Звонили полиелейным звоном как в самые большие праздники. Наспех одевшись, я поспешил в Лавру.

Сень над ракой с мощами Преподобного Сергия

От небольшой часовни, стоящей на площади возле Красных торговых рядов, до самого Троицкого собора в четыре человека тянулась очередь желающих приложиться к мощам и впервые в жизни взглянуть на них. Люди шли медленно, и когда я приблизился к собору, войти в него, казалось, нет никакой возможности. Два лаврских монаха, отец Диомид и кто-то еще,

провели меня через южный вход возле Серапионовской палаты и поставили на место, обычно занимаемое при мощах дежурным иеромонахом. Отсюда было все хорошо видно.

В соборе горели все паникадила. На огромном подсвечнике перед ракой пылало неугасимое пламя: сгоревшие свечи непрерывно заменялись новыми. Отец Вассиан говорил о мученичестве Преподобного с воодушевлением и силой, и в толпе то тут, то там раздавались плач и рыдания. Потом начался молебен Сергию. /.../

По окончании молебна доступ к мощам преподобного Сергия был открыт, и к раке снова потянулась вереница людей. Многие из верующих, прикладываясь, закрывали глаза, чтобы, как объясняли мне потом, "не оскорбить своими грешными взглядами наготу Преподобного". Подошел и я. /.../

Испытывая невыразимое волнение, я приложился к черепу Преподобного и ощутил слабое, но отчетливо проступавшее благоухание розового масла, которое, по-видимому, перешло на кости с обвивающих покровов. /.../ Для меня прикосновение к черепу преподобного Сергия было как бы прикосновением к нему самому, который продолжал жить во мне и во всех нас, прибегающих к его помощи и защите»⁴.

А в августе 1919 года Наркомат юстиции прислал в Сергиевский исполком письмо с требованием ликвидации Лавры как монастыря. В ночь со 2 на 3 ноября 1919 года монашеская братия была выселена. Тут же возникло предложение перенести мощи Преподобного в один из московских музеев. Вопрос обсуждался на заседании Сергиево-Посадского совета депутатов Проверявший жалобу верующих главный юрисконсульт Рабочекрестьянской инспекции Н.Ф. Тераевич, писал, что жители города и окрестных деревень, «опасаясь поругания своей святыни и видя угрозу самому существованию ее, стали собираться толпами к зданию Совдепа, и негодование, волнение толпы доходили тут до того, что народ пришлось разгонять холостыми выстрелами. Следует отметить, что в глазах верующих

мощи преподобного Сергия заслуживают особого почитания, так как, стекаясь к гробнице его, народ русский черпал нравственные силы в борьбе против татар и страшные годы лихолетья. Благодаря этому останки преподобного Сергия стали для русских драгоценной народной святыней, овеянной историческими воспоминаниями» ⁵. Узнав о предполагаемом изъятии мощей, Патриарх Тихон обратился к В.И. Ленину с просьбой о приостановлении их вывоза. Но Сергиевский райком коммунистической партии и Сергиевский исполком настаивали на изъятии мощей из Лавры. Особенно усердствовал некий М. Галкин, в прошлом священник, ставший экспертом VIII отдела Наркомата юстиции. Его антирелигиозная брошюра «Троицкая лавра и Сергий Радонежский: Опыт историко-критического исследования» (М., 1920) была издана под псевдонимом Михаил Горев.

7 мая 1920 года, Сергиевский исполком своей властью запер и опечатал Троицкий собор, где находилась серебряная рака с мощами преподобного Сергия. Патриарх Тихон снова обратился к Ленину с просьбой, чтобы Троицкий собор был оставлен для религиозного почитания Преподобного⁶.

Верующие также обращались с просьбами об открытии собора в Сергиевский исполком и к председателю ВЦИК М.И. Калинину. Но разрешение было дано только на троицкие праздники 1920 года. 17–18 июля, произошло последнее богослужение в Троицком соборе в Сергиев день 1920 года. В сентябре того же года Патриарх Тихон обратился к верующим с Посланием в связи с закрытием гражданскими властями Свято-Троицкой лавры. Оно заканчивалось словами: «Наш знаменитый историк Ключевский, говоря о преподобном Сергии и значении его и основанной им Лавры, предвещал: "Ворота Лавры Преподобного затворятся, и лампады погаснут над гробницей только тогда, когда мы растратим без остатка весь духовный нравственный запас, завещанный нам нашими великими строителями Земли Русской, как преподобный Сергий"

Ныне закрываются ворота Лавры и гаснут в ней лампады... Очистим же сердце наше покаянием и молитвами и будем молить Преподобного, дабы не покидал он Лавры своей...»⁷.

Но крестьяне окрестных сел и деревень не сдались. Если раньше их возмущение действиями властей было стихийным, то в 1921 году оно приняло другие формы. Был голод, разруха, обнищание народа. И люди хотели найти у Преподобного заступничества перед Богом. В июне 1921 года сельские жители Сергиевского уезда И примерно половины Александровского организованно выступили с просьбой открыть Троицкий собор. Провели сходы в деревнях и селах и выбрали делегатов. Делегаты – более ста человек – собрались в Сергиеве в определенный день и час и в свою очередь выбрали пять человек для ходатайства перед местной и центральной властью. Те обратились в Сергиевский исполком, оттуда их направили в Москву, во ВЦИК. Но в просьбе об открытии собора было отказано⁸.

Власти сочли инцидент исчерпанным. Но они рано успокоились. Скоро заведующему Сергиевским Политбюро поступил от одного из агентов рапорт о намеченном на 18 сентября 1921 г. новом собрании. В сентябре снова сотни жителей собрались выбрали деревенских на сельские сходы И Мандаты представителей c мандатами. были заверены подписями председателей сельсоветов и печатями. В этот раз на месте сбора делегатов уже поджидали. Из протоколов дознаний видно, что действовали крестьяне, получив на Сергиевском базаре листовки («летучки»)⁹.

На допросах у арестованных добивались: от кого получил «летучку». По цепочке дошли до Сергея Никитича Игнатьева, жителя деревни Псарево ^{10} .

Игнатьеву сделали очные ставки с двумя крестьянами, которые подтвердили, что «летучки» получили от него. Однако он упорно все отрицал. Жители Псарева собрали сход и просили освободить Игнатьева и отдать арестованного им на поруки, но получили отказ.

Язвицы, Рогачевской волости, Александровскаго усада, года, Сентября 15 дня. Мы нижеподписавшіеся граждане дерезни ceno Angua ha Hamen seurekon exode a ubneatein ubefertsшего общества Д.А.А и о е т о в а,имели суждение с именщем быть аніи общества верующих в Сергієвском посаде 18 Сентября вего года элу открытія Троицкаго Собора в Сергіевском посаде, причем все единогласно СОСТАНСВИЛИ: ходатайствовать перед центральной Советской властью об открытіи такового вобора для необходимых и религиозных нужд населенія нашего общества, состоящаго численностью в 295 человек. Для чего избрали представителем нашего общества Савла Самойлова Р ы ж о в а внабдив его на сей предмет надлежащим удостовереніем, в чем и подписуек-W. Calagneek Mumbers H. Noew woby

Apouster obygoio coopsonul 20. gep. Jydorelo our 12 Urous 1921.

Mbe Hustre nognueobunes 2p. gep zydorelo eod pobunes l' vouveenbe 150 rembles obeystegome geno od out kennine.
Mousen nenogoduero cepand nou.
Cepanelenem nocade,

Josepholos pospemmen, empenion novolos pospemmen, empenion Nouse Hosogriyees nou cepnuberou heage & Tone i nog micyulel

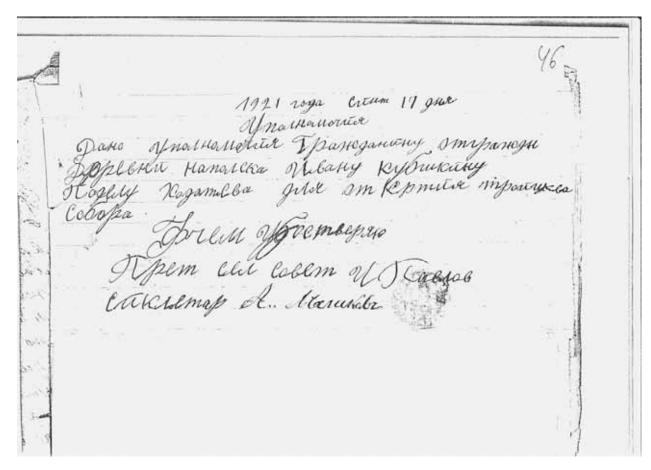
April De Comeros Boulo La Menadorneste B. Stylor Auch.

W. M. Mande Sidminceto B. Stylor Auch.

W. Meperad. P. Cemerol. of the prince of Months.

C. Aprinos. N. Turble Mephyole - H. Minerias.

cl. Aprinos. N. Turbo.

Протоколы крестьянских собраний

Уполномоченный Сергиевского Политбюро Селиванов 3 октября указал в заключении по делу Игнатьева С.Н., что тот, «будучи от природы одарен суровым и сдержанным характером, очевидно, решил, что пусть меня хотя и расстреляют, но я не выдам тех людей, которые работали с ним об открытии собора» 11 . Селиванов предложил дело Игнатьева направить в Политбюро МЧК ДЛЯ приговора к высшей мере наказания существующей руководителя-подстрекателя трудящихся против масс власти». С этим согласился заведующий Сергиевским Политбюро Бакатин и 3 ноября арестанта препроводили в Москву, в Тюремный подотдел МЧК ^{12} .

Приговорен был Игнатьев к высылке в Северодвинскую губернию, но по амнистии к 4-й годовщине Октябрьской революции освобожден в ноябре 1921 г. К сожалению, неизвестно, какова была судьба этого мужественного человека. Реабилитирован он в 2002 году¹³.

Почти все многочисленные просьбы об открытии собора от жителей сел и деревень Сергиевского и Александровского уездов написаны от руки. А

текст «Приговора» деревни Язвицы напечатан на машинке. Следователь не оставил этот факт без внимания и сделал наискось надпись: «Алексей Михайлович Никифоров печатал на заводе приговор и удостоверение, работает в кладовой». Речь идет об удостоверении П.С. Рыжова, выбранного на сходе представителем жителей деревни. Оно было заверено подписью председателя сельсовета и печатью. Из протокола дознания Рыжова Павла Самойловича 65 лет узнаем, что этот А.М. Никифоров работал на Троицком снарядном заводе, и сам предложил там отпечатать документы. Первым на «договоре» значится подпись Ф. Бокова, очевидно, отца известного поэта Виктора Федоровича Бокова¹⁴.

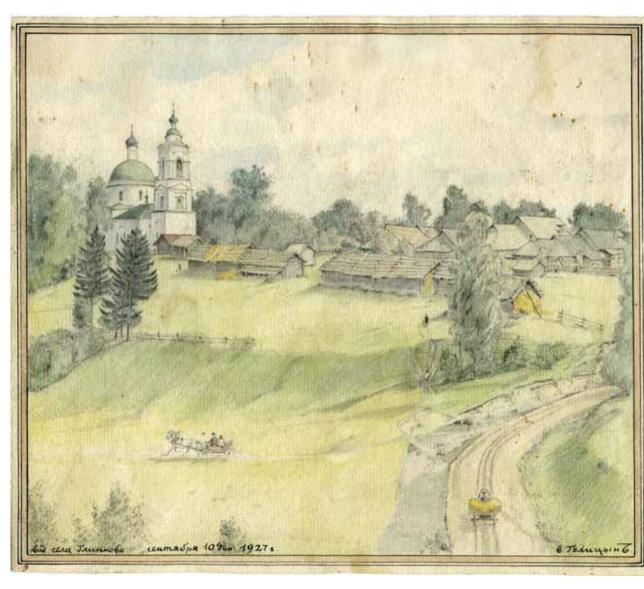
Видно, что крестьяне ТВ начале 1920-х годов еще не были запуганы. Об этом свидетельствует уже то, что, хотя с самого начала новая власть проводила антирелигиозную политику, люди собирались и подписывали просьбы о доступе к мощам Преподобного. А председатели сельсоветов простодушно удостоверяли эти просьбы и мандаты уполномоченных. И не успокоились крестьяне после первого отказа, а обращались на самый верх, к Калинину. Очевидно, тогда, в 1921 году, они еще верили, что пришла власть рабочих и крестьян, и не опасались репрессий.

***

Когда была объявлена Новая экономическая политика, казалось, что сбылась вековечная мечта крестьян о земле. Годы НЭПа в одном из сел под Сергиевым Посадом описаны в воспоминаниях князя Сергея Михайловича Голицына. Их семья несколько лет снимала дачу в селе Глинкове. Вот фрагмент воспоминаний, который относится к 1925 году.

«Глинково, как и вся тогдашняя крестьянская Россия, процветало. Дважды в день, поднимая пыль, мимо нашей избы проходило многочисленное стадо коров и овец. Пастух мелодично играл на дудочке, подпаски бегали, щелкая кнутами. В разных концах села слышался перезвон топоров – это рубились новые избы с резными крылечками и с наличниками вокруг окон. С вечера и до рассвета по сельской улице ходили девчата в

сопровождении парней и пели одну-единственную песню "Хаз-булат удалой".

Владимир Голицын. Вид села Глинково. 1927. Б., акв.

После Петрова дня началась страдная пора — сперва покос, потом жатва. Работали все от малого до старого, не считаясь с усталостью, от восхода и до заката. Наверное, никогда с тех лет не видела наша страна такого усердия к труду на земле. Каждый сознавал, что день летний год кормит. А жали серпами, вязали снопы вручную и складывали их шалашиками, молотили цепами. /.../

На престольный праздник – Двенадцать апостолов – с утра церковь заполнялась нарядными, в блестящих сапогах, мужиками, с расчесанными бородами, бабами в белых платочках. А после обедни и молебна батюшка

отец Алексей, торжественный, благостный, выходил на амвон в золотой ризе, сперва проникновенным басом говорил проповедь, потом давал целовать крест теснившимся возле него прихожанам»¹⁵.

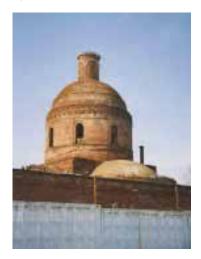
Елена Голицына у новой избы в Глинково. 1920-3 гг.

Но недолгим было это счастливое для крестьян время. Мужиков стали загонять в колхоз. С.М. Голицын вспоминал: «Еще при нас наезжали раза три из Сергиева Посада власти, собирали сельский сход, разъясняли мужикам, что такое колхоз, на все лады расхваливали, уговаривали вступать и одновременно угрожали, что тот, кто вступать не хочет, кто сопротивляется —

тот враг, того надо раскулачивать, напоминали пресловутые изречения Горького и Ленина.

Мужики слушали, затылки почесывали. Они никак не могли постичь, с какой стати нужно отдавать свое, трудом и потом нажитое. И они, и их отцы, и деды жили – не тужили...

По каким признакам узнавали, кто на селе кулак? Да очень просто – по внешнему виду домов. До того два летних сезона подряд я наблюдал, как два глинковских крестьянина-соседа возводили просторные избы-пятистенки, как искусные мастера украшали фасады затейливой резьбой. И поднялись обе избы все в кружеве. Хозяева столько поистратились, что потребовалось долги отдавать, потому-то лучшие горницы они уступили дачникам. В одной из этих изб-красавиц и поселился мой брат Владимир с семьей. А настал черный день – и обоих хозяев с женами, с детьми малыми выслали в Сибирь и все их имущество отобрали. Недолго довелось им жить в просторных горницах»¹⁶.

Церковь в Глинкове. Вид до 1990-х гг.

А церковь во имя Корсунской иконы Божией Матери, построенную в первой половине XIX века, закрыли и устроили в ней химзавод.

Развеялись у крестьян иллюзии, вызванные революцией.

_

 $^{^1}$ Сергиевский посад. Сергиев. Загорск. Хроника событий. 1917—1991. Сергиев Посад, 2013. Вып 1. С. 8—12

² Урусова Н.В., княгиня. Материнский плач Святой Руси. М., 2006. С. 125–127.

³ Там же. С. 128–129.

⁶ Там же. С. 192–193.

 ^{8} Архив ФСБ РФ. Дело Моск. Губ. ЧК «Об открытии Троицкого собора». Начато в июне 1921.

- ^{10} Архив ФСБ РФ. Дело Моск. ЧК, № 6803 «По обвинению Игнатьева Сергея Никитича». Л. 14-24.
- ¹¹ Там же. Л. 26.
- ^{12} Архив ФСБ РФ. Дело Моск. ЧК. Секретный отдел. Агентурное 1963. «По обвинению Игнатьева Сергея Никитича». Начато 4 октября. Л. 20.
- ¹³ Архив ФСБ РФ. К Делу № 6803 Моск. ЧК. Секретный отдел. «По обвинению Игнатьева Сергея Никитича». Начато 4 ноября 1921 г. Л. Б/№, 12, 13.
- ¹⁴ Архив ФСБ РФ. Дело Моск. Губ. ЧК. «Об открытии Троицкого собора». Начато 18 сентября 1921 г. Кончено 3 октября 1921 г. Л. 23.
- ¹⁵ Голицын Сергей. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 235–236.

¹⁶ Там же. С. 403.

Опубл.: Подмосковный летописец. 2017. № 3. С. 40-46.

⁴ Волков Сергей. Возле монастырских стен. М., 2000. С. 186–190.

⁵ Андроник (Трубачев), игумен. Закрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. М., 2008. С. 179.

⁷ Цит. по: Андроник (Трубачев). Закрытие Троице-Сергиевой лавры... С. 249–250.

 $^{^9}$ Архив ФСБ РФ. Дело Моск. Губ. ЧК. «Об открытии Троицкого собора». Начато 18 сентября 1921 г., кончено 3 октября 1921 г. Л. 1.